

Д. А. Боровков

КИЕВСКАЯ РУСЬ
ЭПОХИ
ЯРОСЛАВА
МУДРОГО

Санкт-Петербург
2024

ББК 63.3(2)41
УДК 94(470) "978/1054"
Б83

Боровков Д. А.
Б83 **Киевская Русь эпохи Ярослава Мудрого.** – СПб.:
Евразия, 2024. – 224 с.
ISBN 978-5-8071-0631-5

Книга посвящена «Киевской Руси» как феномену отечественной историографии, разрабатывавшемуся русскими историками XIX–XX веков, и включает очерки, посвященные эволюции этого термина, а также очерки, посвященные источниковедческому изучению летописного завещания («ряда») киевского князя Ярослава I Мудрого о разделе княжений в 1054 г., который считается поворотным моментом политического развития древнерусской государственности.

ISBN 978-5-8071-0631-5

© Боровков Д. А., 2024
© Лосев П. П., дизайн обложки, 2024
© Оформление, ООО «Издательство
«Евразия», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
«Киевская Русь» – генезис концепта в историографии XIX–XXI вв.	8
«Киевская Русь» в концепции И. Я. Фроянова	41
От «империи Рюриковичей» к «ранне- феодальной монархии»: «ряд» Ярослава I в контексте феодальной парадигмы советской историографии	100
Завещание Ярослава Мудрого: этапы источниковедческой критики	127
«Се же поручаю в себе место столь старейшему сыну моему и брату вашему...»: «ряд» Ярослава Мудрого в источниках и историографии	155
<i>Приложение.</i> Завещание Ярослава Мудрого в русской энциклопедической литературе	191
Библиография	207

От автора

Очерки, составляющие эту книгу, несмотря на кажущиеся разнообразие, посвящены одной общей теме — истории древнерусской государственности и ее репрезентации в отечественной историографии. Первоначальные их варианты на протяжении нескольких лет были опубликованы в виде статей в различных научно-периодических изданиях (некоторые из них впоследствии были включены в написанные мною книги по истории Древней Руси и истории русской исторической науки). При подготовке настоящего издания тексты этих статей были переработаны, в них были сделаны необходимые исправления, уточнения и сокращения, обусловленные как унификацией библиографического аппарата, так и стремлением избежать повторов и придать книге сюжетную и структурную цельность.

- 6 Тематически очерки подразделяются на две части. Одна часть посвящена рассмотрению историографических аспектов терминологических определений древнерусской государственности (в частности, истории возникновения и развития терминов «Киевская Русь», «империя Рюриковичей» и «Древнерусское государство»). Под этими терминами в историографии XIX–XX вв. подразумевалось политическое образование, сложившееся на землях восточных славян вдоль трансконтинентального речного пути «из варяг в греки» после объединения Киева и Новгорода под властью варяжских князей в 882 г. по хронологии «Повести временных лет». Окончательно оно сформировалось на рубеже X–XI вв. после принятия в качестве официальной религии христианства и консолидации восточнославянских земель под властью киевского князя Владимира I (978–1015) через распределение их между его сыновьями (так называемое окняжение земель). Однако уже при жизни Владимира это решение привело к конфликтам внутри его семьи, которые вылились в серию междоусобных войн между его сыновьями (1015–1019, 1024–1026). В конце концов большую часть владений отца объединил под своей

властью один из его сыновей, киевский князь Ярослав I Мудрый (1016–1018, 1019–1054). Незадолго до своей кончины он также разделил города и земли между своими сыновьями: этот раздел в определенные моменты развития историографической традиции рассматривался как начало политической раздробленности древнерусского государства. Проблеме источниковедческого изучения летописного рассказа о разделе 1054 г. и сопутствующем ему завещании («ряде») Ярослава в «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) посвящена вторая часть включенных в эту книгу очерков, которые реконструируют процесс критического осмысления летописного текста историками XIX–XXI вв. В качестве приложения дан очерк интерпретаций раздела 1054 г. в отечественных энциклопедических изданиях середины XIX – начала XXI в.

«Киевская Русь» — генезис концепта в историографии XIX–XXI вв.

Несмотря на то, что понятие «Киевская Русь» является основополагающим для характеристики древнерусской государственности, его анализу в отечественной историографии посвящены лишь небольшие очерки авторства украинских [Толочко 1999, с. 29–32] и русских [Долгова 2016, с. 16–20] исследователей, поэтому представляется целесообразным рассмотреть проблему его употребления в нарративах русской исторической науки XIX — начала XX вв.

Инициатором введения в научный обиход словосочетания «Киевская Русь» считается М. А. Максимович — профессор и первый ректор Киевского университета Св. Владимира, — использовавший его в своей работе «Откуда идет Русская земля по сказанию Несторовой летописи и другим старинным писаниям». Анализируя в хронологическом

порядке известия ПВЛ, исследователь отметил, что при Аскольде и Дире «Русь действует на юге, и от нее в Киевской области, в земле Полянской, начинается *Русская Земля*», а «с приходом Олега в Киевскую землю происходит утверждение в ней и распространение на другие области имени Русского» [Максимович 1837, с. 33, 34; см. также: с. 47–49]. «Сия-то древняя Киевская Русь была рассадником *русского духа* для храбрых сыновей своих — *русичей*, духа любви к Русской земле и ее славе, которую звучали самая имена русских князей» [Максимович 1837, с. 54].

Таким образом, термин «Киевская Русь» изначально имел региональный смысл — как синоним Киевской или Полянской земли, начиная с того момента, когда она попадает под власть варяжской руси, появившейся на юге сначала с Аскольдом и Диром, а затем с Олегом, хотя нетрудно заметить, что термин появляется не столько в социально-политическом, сколько в социокультурном контексте, характеризующем определенный этап общей истории восточных славян. Основание этой точке зрения исследователь видел не только в собственных наблюдениях над текстом ПВЛ, но и в предшествующей историографической традиции, о чем говорится

10 в примечании № 42, где для придания веса этим наблюдениям он апеллировал к вышедшей в свет в 1818 г. «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина: «Еще Карамзин заметил по нашим летописям, что Русью или *Русскою Землею* в древности у нас называлась преимущественно Киевская или Южная Русь» [Максимович 1837, с. 123]. В труде Карамзина помимо утверждения о тождестве «Русской земли» и «Киевской области» в XII–XIII вв., которое было экстраполировано автором на события конца IX в., можно обнаружить определение «киевские россы», использованное в полемике с А. Л. Шлецером [Карамзин 1988, прим. к т. I, гл. IV, стб. 74–75, 79; прим. к т. II, гл. XII, стб. 133].

Таким образом, можно считать, что новация М. А. Максимовича была подготовлена предшествующей историографической традицией. В то же время о разделе Ярослава I в 1054 г. в его исследовании говорится не как о разделе на уделы Киевской Руси, а как о разделе Русского государства, от которого постепенно обособлялись отдельные части, причем этот процесс интенсифицировался «после Второго Владимира, последнего единовластника Древней Руси», т. е. Владимира Мономаха, со смертью которого

в 1125 г. «Стольный Киев стал упадать», а имя Руси, с одной стороны, было перенесено на северо-восток Юрием Долгоруким и Андреем Боголюбским («Суздальская Русь»), а с другой стороны, на юго-запад Романом Мстиславичем («Галицкая, или Червонная Русь»), «города коих были родными детьми Киеву и по утрате коих первозванная *Земля Русская* прозвалась *Украиною*, а в XIV веке во Владимире-Волынском получила название *Малой Руси*» [Максимович 1837, с. 53, 54].

Здесь надо отметить, во-первых, скрытое тождество понятий «Древняя Русь» и «Киевская Русь», благодаря которому последнее потеряло региональное значение, превратившись в синоним Русского государства, что придало использованному Максимовичем терминологическому аппарату эклектичный характер, а во-вторых, дифференциацию понятия «Русь» в историко-географическом контексте XII–XIV вв. Гипотеза о «переносе» Руси на северо-восток и юго-запад сближала построения Максимовича с аналогичными представлениями московского и польского историописания XVI столетия соответственно, некритично воспроизведенными исторической наукой XIX в. [Толочко 1999, с. 30, 31; Горский 2004, с. 152–154], что также

12 свидетельствует о его зависимости от предшествующей историографической традиции. Более десяти лет спустя идея Максимовича о преемственности Киевской и Галицкой Руси получила продолжение у А. С. Клеванова [Клеванов 1849, с. 15], однако широкого распространения в последующей историографии она не имела. Показательно, что сам М. А. Максимович в историко-филологической полемике с М. П. Погодиным, развернувшейся позже на страницах журнала «Русская беседа» [Павленко 2003, с. 161–163; Толочко 2012, с. 211–231], пользовался термином «Киевская Русь» крайне редко [Максимович 1856, с. 85, 94].

Для обоснования и подтверждения этого тезиса достаточно посмотреть на частотность употребления термина в трудах крупнейших представителей отечественной историографии второй половины XIX в.

По одному разу термин «Киевская Русь» употребляется в первых двух томах «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьёва (1851, 1853), посвященных домонгольскому периоду истории: первый раз – в рассказе о столкновениях Киевской Руси с Византией, второй раз – при характеристике территорий, находившихся под властью

рода Рюриковичей после 1146 г. [Соловьёв 1988, с. 130, 644], т. е. в региональном значении. Можно говорить о почти случайном его использовании, поскольку исследователь отдавал предпочтение географическим понятиям «Южная Русь» или «Украина». Сходным образом поступил Н. И. Костомаров — один из основоположников малороссийской историографии, который, отождествляя Русь с Киевской землей, словосочетания «Киевская Русь» практически не употреблял, если не считать редких исключений [Костомаров 2004, с. 16; Костомаров 2005, с. 155, 188, 193, 196], хотя аналогичными географическими понятиями («Ростово-Суздальская Русь», «Червоная Русь») он пользовался регулярно. Редки упоминания «Киевской Руси» как определения дотатарской эпохи и в «Русской истории» (1872) К. Н. Бестужева-Рюмина [Бестужев-Рюмин 2015, с. 330, 363]. Немногим чаще термин «Киевская Русь» использовался в первом томе «Истории России» Д. И. Иловайского (1876), причем для обозначения совокупности земель под властью киевского князя [Иловайский 1996, с. 38, 39, 48, 74]. Таким образом, вряд ли можно спорить с утверждением о том, что он не получил широкого распространения в историографии

14 XIX в. ни в региональном значении, ни для характеристики древнерусского периода в целом.

В этом отношении ситуация начала меняться после того, как термин «Киевская Русь» был использован в лекционных курсах по русской истории ученика К. Н. Бестужева-Рюмина С. Ф. Платонова (1899) и ученика С. М. Соловьёва В. О. Ключевского (1904).

«Лекции по русской истории» С. Ф. Платонова, подготовленные к печати студентами Александровской военно-юридической академии И. А. Блиновым и Р. Р. фон Раупахом, выдержали в 1899–1917 гг. 10 изданий. Уже в первом издании словосочетание «Киевская Русь» было использовано в качестве заглавия одного из разделов; употреблялось оно и в тексте. Однако следует отметить его использование преимущественно для описания событий XI–XII вв. [Платонов 1899, с. 64–65]. Для более раннего периода употреблялся термин «Киевское княжение» или «княжество» [Платонов 1899, с. 51, 55, 57]. Исследователь дал характеристику государственного устройства, подразумевавшегося под термином «Киевская Русь». Этот термин относился к правопреемнику «Киевского княжества», сформировавшемуся из «многих племенных

и городских миров», которое «не могло объединиться в *государство* в нашем смысле слова и в XI веке распалось», поэтому «точнее всего будет определить Киевскую Русь как совокупность многих княжений, объединенных одною династией, единством религии, племени, языка и народного самосознания. Это самосознание достоверно существовало: с его высоты народ осуждал свое политическое неустройство, осуждал князей за то, что они „несли землю розно“ своими „которами“, т. е. распрями, и убеждал их быть в единстве ради единой „земли Русской“, однако «политическая связь киевского общества была слабее всех других его связей, что и было одной из самых видных причин падения Киевской Руси». [Платонов 1899, с. 70]. С одной стороны, подобные представления о религиозном и этническом единстве восходили к консервативной «триаде» С. С. Уварова «православие, самодержавие, народность» (уже в конце 1830-х гг. ее влияние можно обнаружить в лекциях Н. Г. Устрялова). С другой стороны, они характеризовали не столько социально-политическую, сколько социокультурную общность, что сближало трактовку С. Ф. Платонова с трактовкой М. А. Максимовича.